

*Эвану и Бренне.
Спасибо, что вы такие, какие есть.*

Глава 1

Я росла в небольшом прибрежном городке Пасифик-Гроув на полуострове Монтерей в Калифорнии, куда мы переехали, когда мне было восемь лет. Чуть ли не каждое воскресенье я отправлялась на пляж и подолгу бродила там вдоль самой линии прибоя, выискивая среди камней и ракушек «слезы русалок» — обкатанные и выглаженные волнами осколки стекла. Когда-то я верила, что русалки действительно плачут по погибшим морякам и что штормы и приливы в конце концов выбрасывают на песок их застывшие слезы.

«Слезы русалок» считались довольно ценной находкой. Их полагалось держать как можно ближе к сердцу, так как они якобы защищали владельца от зла и болезней и могли исполнять самые заветные желания — такие, например, чтобы жить долго или встретить настоящую любовь.

Со временем я не то чтобы перестала верить в волшебную силу «слез русалок», нет!.. Просто жизнь научила меня, что любые сказки и легенды бледнеют по сравнению с кошмарами, которые происходят с нами наяву, и что в мире немало грозных сил, которыми люди должны научиться управлять.

Глава 2

*Понедельник.
Перед рассветом.*

Закутавшись в одеяло, я не отрываясь смотрела на ущербную луну за окном и ждала. Луна была похожа на сверкающую слезу, медленно ползущую по черному шелку. Ночь приближалась к середине, и в комнате стало совсем холодно, но я продолжала лежать неподвижно и ждать.

Наконец я глубоко вздохнула и невольно сморщилась от неприятного запаха, который давно стал неотъемлемой частью дома. Сырое дерево, влажные полотенца, плесень на стенах, гниющие листья... Маленькое бунгало в Сан-Луис-Обиспо, в котором мы теперь жили, было построено еще до Второй мировой войны. За десятилетия слой краски на окнах стал таким толстым, что они перестали открываться, поэтому проветрить дом было невозможно. Тем не менее холод с улицы почти беспрепятственно проникал в комнаты сквозь покоробившиеся, щелястые двери и бесчисленные трещины, которыми покрылась штукатурка на стенах. Из подвала в дом просачивалась вода, линолеум пошел горбами, а плинтусы почернели от гнили, но владельцу бунгало, похоже, было на это наплевать.

Сырой, прелый воздух, врывающийся в легкие при каждом вдохе, заставлял меня дрожать, как от озноба, а нос заложило, как будто у меня был насморк. Прошлой зимой моя дочь Кэсси несколько раз серьезно простужалась, однако дело тут было не только в сыром, нездоровом воздухе: для болезней имелись и другие причины. Одной из них был хронический недосып.

И все же нам давным-давно следовало бы перебраться в другое место. Лучше всего — куда-нибудь по соседству, чтобы Кэсси не пришлось менять школу, но...

Повернувшись на бок, я подтянула колени к груди и, прищурившись, посмотрела на циферблат электронного будильника, на котором ярко горели цифры.

02:58

«Срок аренды дома заканчивается в июне...» — лениво подумала я.

02:59

«...А сейчас еще только апрель. В мае можно начать подыскивать новое жилье».

03:00

Задержав дыхание, я прислушалась, мысленно отсчитывая секунды. Пять секунд... Десять... На грудь словно легла какая-то тяжесть. Я продолжала считать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать...

В тишине дома отчетливо прозвучал первый вскрик Кэсси. Я напрягла слух. Звук проник в мою спальню через семнадцать секунд после того, как пробило три. «Как по расписанию», — подумала я, с шумом выдохнув воздух. Повернувшись на спину, я буквально заставила себя встать, зная и боясь того, что ждет меня в самое ближайшее время.

Пронзительный вопль разорвал тишину, эхом отдавшись где-то в моем позвоночнике. В грудь как будто вонзился острый осколок стекла. Кэсси закричала снова, и я, словно очнувшись, попыталась вскочить с постели, но запуталась в пододеяльнике и сильно стукнулась коленом о пол. Боль прострелила ногу до самого бедра.

— Кассандра!

Кое-как поднявшись на ноги, я, прихрамывая, выбежала в коридор и ворвалась в спальню дочери. В ту-

склом свете ночника я увидела, что Кэсси скорчилась под одеялами и, лежа на боку, сжимает голову обеими руками.

— Кэсси!!!

Дочь снова закричала. Меня она не слышала. Глаза ее были плотно закрыты, колени прижаты к груди. На мгновение Кэсси приподнялась на локтях и зарылась лицом в подушку, потом снова повалилась на бок и захныкала.

Бросившись вперед, я схватила ее за плечо и несколько раз потрянула.

— Кэсси, проснись! Проснись, пожалуйста!!!

Но она только раскачивалась вперед и назад, продолжая сжимать виски скрюченными, побелевшими от напряжения пальцами. Глаза ее были по-прежнему плотно зажмурены, но ресницы стали мокрыми от слез, а из груди вырвался мучительный стон.

Я снова потрянула ее за плечо, потом попыталась оторвать руки от головы, но Кэсси словно окаменела.

— Кассандра! — скомандовала я резко. — Ну-ка, проснись!

Веки дочери затрепетали, она открыла глаза, сведенные судорогой пальцы расслабились. Кэсси вытянула ноги и перевернулась на спину, тупо глядя в потолок.

— Господи, Кэсси! Очнись же! — Я несколько раз щелкнула пальцами у нее перед глазами и возле ушей.

Еще несколько секунд она находилась в каком-то оцепенении, потом девочка быстро заморгала и, слегка повернув голову, посмотрела на меня.

— Мама?.. — Ее глаза наполнились слезами, которые потекли по вискам, исчезая в спутанных светлых кудряшках. Судорожно вздохнув, Кэсси крепко прижала к груди любимого плюшевого кролика. Кролика звали Банни, это была девочка.

Страх в глазах дочери был отражением моего собственного страха.

— Снова плохой сон, Русалочка? — Приподняв одеяло, я легла в постель рядом с ней. Ее реакция на ночные кошмары пугала меня едва ли не больше, чем саму Кэсси пугали регулярно повторявшиеся дурные сны.

Кэсси пошевелилась и кивнула, толкнув меня головой в подбородок. Стараясь унять бешено стучащее сердце, я крепче прижала дочь к себе, думая о том, что сегодня как раз четвертый день, когда ей снится один и тот же сон. Обычно кошмары повторялись у Кэсси не больше четырех раз, следовательно, сегодняшняя ночь была последней. И слава богу! Ее ночные крики так прочно впечатались в мою память, что я была уверена — они будут мерещиться мне еще очень и очень долго.

Я глубоко вздохнула, стараясь поскорее избавиться от избытка адреналина в крови.

— Ты узнала что-нибудь новое о Грейс? — осторожно спросила я.

В ответ Кэсси кивнула, машинально потирая висок. Ночные кошмары заставляли ее испытывать что-то вроде фантомных болей, но на этот раз дело было в другом. Из ее же собственных слов я знала, что именно виском Грейс ударится о мостовую во время несчастного случая, который еще только должен был произойти.

Убрав со лба дочери влажные от пота локоны, я несколько раз погладила ее по голове и без слов запела нашу любимую колыбельную, ожидая, пока стихнут судорожные всхлипывания. Больше всего на свете мне сейчас хотелось сказать Кэсси, что все будет хорошо и что со временем кошмарные сны перестанут ее тревожить, но я знала, что этого, к сожалению, не случится. Эти ночные видения были индивидуальной особенностью Кэсси —

такой же, как золотистые волосы или россыпь веснушек на носу.

Кэсси что-то пробормотала, и я повернулась к ней, чтобы лучше слышать.

— Что ты говоришь, милая?

— Я видела ее... ее кости. В одном месте кожу сорвало с головы вместе с волосами, и я увидела... — на мгновение голос Кэсси прервался, а дыхание снова стало неровным и частым. — Увидела череп. И кровь. Очень много крови — целую лужу.

Я невольно зажмурилась, стараясь не видеть, не представлять ужасную картину, которую только что нарисовала моя дочь. Восемилетняя девочка с пробитой головой, на асфальте — брызги крови, искореженный велосипед у обочины... Одной мысли об этом было достаточно, чтобы мои внутренности свело судорогой, а к горлу подступила тошнота.

— Сны становятся все страшнее, мама.

— Я знаю. — Я поцеловала Кэсси в лоб, мимолетно вдохнув по-детски свежий запах ее фруктового шампуня. Ну почему, подумалось мне, почему такая кроха должна видеть столь ужасные сны? С каждым разом ее видения становились все более подробными и все более мрачными. Они повторялись из ночи в ночь и прекращались только после того, как несчастье, которое *провидела* Кэсси, происходило на самом деле.

Как это можно прекратить, я не знала. Чуть ли не с младенчества Кэсси остро чувствовала, когда ее близкие люди страдали, и сама страдала вместе с ними. Словно заботливая больничная сиделка, она не отходила от тех, кому было больно, делая все, чтобы уменьшить их страдания. С возрастом способности к сопереживанию наполнились у девочки снами и видениями, которые имели

отношение не только к настоящим, но и к будущим неприятностям, болезням, несчастным случаям. Впрочем, предвидела она только несчастья, которые грозили знакомым ей людям, но, не умея их предотвратить, каждый раз мучилась от собственного бессилия. Кроме того, как только очередное предсказание сбывалось, Кэсси практически сразу начинали преследовать новые тревожные сны, и это выматывало не только ее, но и меня. Я знала, что должна как-то это остановить, но не представляла, что тут можно сделать.

— Я... я сегодня сказала Грейс, что ее собьет грузовик, — призналась Кэсси жарким шепотом. — Но она мне не верит и не слушает, что я ей говорю!

Меня это не удивило. Люди никогда не верили предсказаниям Кэсси, пока не становилось слишком поздно.

— А помнишь, о чем мы с тобой договорились? — проговорила я, тщательно взвешивая каждое слово, и, снова погладив ее по волосам, почувствовала, как дочь нерешительно кивнула в ответ. — Ты обещала никому не рассказывать о своих видениях. Никому и никогда. Твои школьные друзья и подруги еще слишком малы и не в состоянии понять, насколько все это серьезно.

На самом деле этого не мог понять никто. Даже я. То есть я, конечно, знала, что происходит с моей дочерью, но почему ее пророчества облакаются в форму таких красочных и подробных кошмаров, объяснить я была не в силах.

Кэсси с упрёком посмотрела на меня.

— Как ты не понимаешь, мама! Я *должна* была предупредить Грейс, чтобы она не ездила в школу на велосипеде. Она... Из-за этого она может даже умереть! — Дочь потерлась щекой о своего плюшевого кролика. — Я хотела ей помочь!..

А я хотела, чтобы кошмары Кэсси прекратились раз и навсегда.

Я снова погладила дочь по голове, и мы довольно долго лежали, глядя в потолок. Когда стало окончательно ясно, что ни она, ни я не сможем в ближайшее время заснуть, я сказала:

— Хочешь молока?

— Хочу! — Кэсси задрыгала ногами, сбрасывая одеяло, и я первой встала с кровати. Взяв дочь за руку, я повела ее на кухню, слушая, как шлепают по холодному полу наши босые ноги. Мои шаги были тяжелее, под ними скрипела и стонала каждая рассохшаяся половица, на которую я наступала.

В кухне Кэсси взобралась на стул у окна, посадив Банни к себе на колени. Единственный глаз зверька (второй потерялся в прошлом году, когда летом мы ездили на пляж Авила-Бич) уставился прямо на меня. Я налила в стаканы молока и поставила один перед дочерью.

Загудел, включившись, холодильник, и весь дом закрипел и застонал, словно ему было так же холодно, как и нам. Я смотрела, как Кэсси поднесла стакан ко рту игрушки. Молоко коснулось вытертой меховой мордочки, оставив на ней белые усы. Впрочем, Кэсси тут же вытерла их рукавом ночной рубашки.

Тем временем я сделала глоток из своего стакана, постаравшись, чтобы на моей верхней губе тоже остались следы молока. Увидев *мои* молочные усы, Кэсси сдавленно захихикала, и у меня стало немножечко легче на душе. Мне очень нравился ее смех. К сожалению, в последнее время мне не часто доводилось его слышать.

Когда молоко было выпито, Кэсси перебралась на диван. Я сполоснула стаканы, включила телевизор и, сделав звук как можно тише, села рядом с Кэсси, обняв ее за плечи.

Остаток ночи прошел в точности так же, как проходили предзвездные часы всех последних дней, начиная с четверга — и всех других дней в течение последних трех месяцев. Крепко прижавшись ко мне, Кэсси смотрела на мельтешащие на телеэкране фигуры, пока не задремала. Я не спала — я не могла себе этого позволить, потому что мне нужно было охранять ее сон. Чтобы скоротать время до утра, я думала о маленькой девочке из сна Кэсси — о ее подруге, которой грозила серьезная опасность. Мне было жаль Грейс, но я ничего не могла поделать. Мне оставалось только надеяться, что все как-нибудь обойдется и что Грейс отделается легкими ушибами вместо сотрясения мозга или раскроенного черепа. И вместе с тем я *хотела*, чтобы грузовик все-таки сбил Грейс.

Ведь чем скорее это произойдет, тем скорее прекратятся ночные мучения Кэсси — пусть и на очень короткое время.

Глава 3

*Понедельник.
Утро.*

Я остановила свой «Чероки» на дороге перед воротами школьного двора. До начала занятий оставалось не больше четверти часа, поэтому за мной сразу выстроилось еще несколько машин с детьми, но Кэсси не спешила открывать дверцу и выходить из салона. Насупившись, она исподлобья рассматривала группу одноклассниц, которые стояли у ворот тесной кучкой — ни дать ни взять футболисты перед началом ответственного матча. Их было